ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

МОИСЕЕВ Сергей Владимирович,
доцент кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Барнаул, Россия)
E-mail: moiseev-tpg@rambler.ru

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ А.Н. КУРОПАТКИНА В ЙЭТТИШАРЕ В 1876-1877 ГГ.

Аннотация. *Рассмотрена военно-дипломатическая миссия А.Н. Куропаткина в Йэттишаре, которая имела особое значение с точки зрения окончательного обозначения конфигурации политики России в этом регионе. В результате событий, происходивших в 60-70-х гг. XIX в. в Синьцзяне и значительно изменивших положение дел в Центральной Азии*[1], наличие этнических, религиозных, экономических, географических и других факторов сделало непредсказуемым развитие ситуации в регионе. Миссия Куропаткина была последним прямым дипломатическим контактом российских представителей с правителем последнего мусульманского теократического государственного образования, созданного на территории Китайской империи, непосредственно перед его падением. К заслугам экспедиции А.Н. Куропаткина также следует отнести сбор масштабного статистического материала, имеющего не только важную историографическую, но и источниковедческую значимость.*

Ключевые слова: *А.Н. Куропаткин; международные отношения; граница; восстание; мусульмане; Китай; исламское государство; Центральная Азия.*

MOISEEV S.V.

MILITARY AND DIPLOMATIC MISSION OF ALEXEI KUROPATKIN TO YETTISHAR IN 1876-1877

The summary. *This article examines Kuropatkin's military and diplomatic mission to Yettishar that was of great importance from the point of view of the final definition of the Imperial Russia's policy configuration in that Region. Due to the events that took place in the 60's and 70's of the 19-th century in Xinjiang and significantly changed the situation in Central Asia, the ethnic, religious, economic, geographic and other factors made the situation there unpredictable. Kuropatkin's mission was the final direct diplomatic contact of Russian envoy with the Ruler of the last Muslim theocratic state formation, established within the territory of the Chinese Empire, just before its fall. The merit of the Kuropatkin's expedition also lays in the collection of voluminous statistical material valuable both as historiography and primary sources.*

Key words: *A.N. Kuropatkin; international relations; border; insurrection; Muslims; China; Islamic state; Central Asia.*

Возникновение теократического исламского государства в результате антицинского восстания мусульман Синьцзяна (территория современного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая) в 60-70-х гг. XIX в., в зоне соприкосновения интересов трех империй – России, Китая и Великобритании резко изменило политическую ситуацию в регионе [9, стр. 45-60]. Эти события открыли новую страницу в истории международных отношений в Центральной Азии.

Первым исследователем Восточного Туркестана (Синьцзяна), представителем Российской империи в период «мусульманской инсургенции» стал Чокан Валиханов*[2]. Экспедиция Ч.Ч. Валиханова в Кашгарию в 1858-1859 гг., была инициирована известным путешественником П.П. Семеновым-Тянь-Шанским, причиной послужило полное отсутствие у правительства России информации о положении дел в Алтышаре (Шестиградье или Кашгария), где полыхало восстание. Сведения, полученные Ч.Ч. Валихановым, позволили в определенной мере лучше ориентироваться в ситуации в Синьцзяне. После опубликования материалов экспедиции Ч.Ч. Валиханова начались исследования проблем Кашгарии и Джунгарии. В 1757 г. государство было захвачено маньчжурами и присоединено к Китайской империи) [2].

Установление взаимоотношений с государством Йэттишар*[3] [4, стр. 11] имело для российской стороны важное значение и оказывало существенное влияние на региональную политику России.

В 1868-1869 гг. в Кашгарии побывала миссия капитана Генерального штаба П.Я. Рейнталя*[4], в ходе путешествия были собраны многочисленные данные о внутриполитической и экономической ситуации в Кашгарии. Три последующие официальные российские миссии в Джунгарию и Кашгарию в 1870 г. и в 1872 г. капитана генерального штаба барона А.В. Каульбарса*[5] и в 1875 г. вторая экспедиция П.Я. Рейнталя предоставили материал для изучения Синьцзяна, внешней и внутренней политики правителя Йэттишара Якуб-бека*[6] [7, стр. 89-10, 112-113].

Особое место в процессе изучения складывающейся в Восточном Туркестане ситуации заняла военно-дипломатическая миссия во главе с А.Н. Куропаткиным в 1876-1877 гг. в Кашгарии, в ходе которой была собрана подробная информация о внутриполитическом положении в

Чокан Валиханов
URL:http://old.unesco.kz/heritagenet/kz/content/history/portret/yalihan.htm

Александр Васильевич Каульбарс
URL:http://www.forum.antiquephotos.com/topic/1316

Якуб-бек правитель Йэттишара
URL:http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Yakubbek

Йэттишаре накануне его падения [7, стр. 132], а по результатам определена тактическая линия внешней политики в отношении Якуб-бека. Причины определившие необходимость отправления экспедиции во владения Бадаулета имели многофакторный характер и были вызваны предшествующими событиями.

Возникновение в 60-х гг. XIX в. на территории Восточного Туркестана и Джунгарии ряда государственных образований, непредсказуемость действий их правителей создали для пограничных российских властей, занятых обустройством новых владений империи в Средней Азии и Казахстане, ряд серьезных проблем. Практически была прекращена, ставшая за длительное время традиционной, торговля с Западным Китаем и внутренними провинциями Цинской империи, прекратилось движение караванов. Это неблагоприятно отразилось на ситуации в пограничных городах, экономика которых в определенной мере была ориентирована на рынки соседнего региона.

Активизировали свои действия англичане, постоянные соперники России в Центральноазиатском регионе, которые, следуя стратегии «Большой игры»*[7] [9, стр. 71], стремились закрепиться в Восточном Туркестане и создать там плацдарм для продвижения в Среднюю Азию. С целью изучения военно-политического положения и подготовки условий для включения новых мусульманских ханств, недружелюбно настроенных по отношению к России, в сферу своего влияния, на территорию бывшего китайского наместничества были направлены ряд тайных миссий из Британской Индии. Проявляет интерес к происходящим событиям и Турция [8, стр. 34]. Перспектива дальнейшего осложнения обстановки, связанная с потерей влияния в регионе, побуждала русскую администрацию к принятию энергичных адекватных мер [7, стр. 108-112].

Для восстановления торгово-экономических связей с Синьцзяном необходимо было идти на налаживание контактов с новыми мусульманскими правителями. Это являлось довольно трудной задачей, так как негативными последствиями такого шага могли стать серьезные осложнения во взаимоотношениях с Китаем, с которым Российская империя поддерживала длительные связи и имела ряд договоров, в частности касавшихся границы с Синьцзяном

и торгово-экономических отношений. и проведении внешнеполитических действий в регионе.

Активная внешняя политика правителей Коканда*[8] направленная на расширение сферы своего влияния в первой половине XIX в., привела к включению в состав ханства значительных территорий Киргизии (долина реки Сыр-Дарьи, предгорья Памира, вплоть до границ Восточного Туркестана. Таким образом, кокандские ханы получили возможность контролировать движение караванов в Западный Китай. Ситуация коренным образом изменяется в первой половине 60-х гг. XIX в. Заканчивается процесс вхождения Казахстана в состав Российской империи. Кокандское ханство, потерпев поражение в столкновении с Россией, оказывается под протекторатом российского правительства. Хан Коканда Худояр (1829-1879 гг.) лишается возможности самостоятельно проводить внешнюю политику. Киргизские и казахские кочевые владельцы, находившиеся ранее под двойным гнетом кокандских правителей и цинских властей Кашгара, открыто вступают в контакты с русскими властями, обращаются с просьбами о принятии их в подданство [7, стр. 124-125].

В результате существенно расширяется приграничная зона подконтрольная российским властям. Русские владения, непосредственно приблизились к горам Тянь-Шаня и к границам Кашгарии. Работа совместной русско-китайской комиссии по делимитации границы по исполнению условий Чугучакского протокола, подписанного 25 сентября 1864 г., определила линию в соответствующих районах Казахстана и Восточного Туркестана. Однако последующие события внесли коррективы в проблему территориального разграничения. Правитель Йэттишара, воспользовавшись разгоревшимися междоусобицами в Кокандском ханстве, захватил ряд крепостей и поставил в них свои гарнизоны, показав тем самым свое нежелание признавать существующую линию границы [7, стр. 124-126].

В Семиречье*[9] в связи с активной колонизацией края русскими поселенцами и переходом границы кочевников из Джунгарии возникала проблема дефицита земельных площадей. Дополнительную напряженность ситуации в пограничных зонах придавала стихийность передвижения и отсутствие возможностей для установления более или менее полного контроля над миграционным движением.

Возможным выходом из возникшей ситуации могло быть масштабное силовое вторжение с русской стороны, под предлогом оказания помощи цинским властям в борьбе с инсургентами. Однако у правительства Российской империи имелся ряд причин для того, чтобы отказаться от такого варианта разрешения ситуации: недостаток денежных средств для обеспечения подобной операции; отсутствие в достаточном количестве вооруженных подразделений; опасность распространения мусульманских волнений на российскую территорию; сомнения в реальности восстановления в ближайшем будущем цинской власти в Джунгарии и Восточном Туркестане, с одной стороны, одновременно имело место мнение о малой вероятности длительного существования Йэттишара [11, л. 32]. Тем не менее, Якуб-беку была продемонстрирована готовность российской стороны к силовым действиям, что заставило его отказаться от дальнейших захватов спорных с Россией территорий. Однако пограничный вопрос решен не был, не была установлена договорная пограничная линия, а формальная поддержка Россией цинского Китая исключала для нее прямую возможность вступить в официальные переговоры с Якуб-беком, во всяком случае от имени центрального правительства» [3, стр. 168].

19 марта 1876 г. под председательством военного министра Д.А. Милютина (1816-1912) Особое совещание, рассматривая вопрос о политике России в связи с приближающимся решительным столкновением Якуб-бека с цинскими войсками, пришло к выводу, что для царского правительства «удобнее было бы, если бы в Кашгаре снова возвратилось господство китайской власти» и высказалось «в пользу сохранения дружественных отношений к Китаю» [11, л. 8], но последовавшие события в Средней Азии, связанные, прежде всего с ликвидацией Кокандского ханства, подтолкнули генерал-губернатора Туркестанского края К.П. Кауфмана*[10] к новым контактам с правителем Йэттишара. Справедливо предполагая, что «наиболее убедительным аргументом при любом разговоре о разграничении является фактическое владение и, видимо, ясно осознавая, что с вновь появившимися в Синьцзяне цинскими властями упоенными победой будет разговаривать о границе намного сложнее (если только

Кауфман Константин Петрович
URL:http://il-ducess.livejournal.com/449283.html

эта граница не будет установлена де-факто)» [3, стр. 168], генерал-губернатор Туркестанского края отдал предпочтение мирному варианту решения пограничной проблемы.

Стремясь по мере возможности как можно быстрее решить вопрос о разграничении новых владений империи с государством Йэттишар и в то же время получить новую информацию военно-политического и экономического характера о ситуации в Восточном Туркестане, К.П. Кауфман принимает решение об отправке в Кашгар посольства во главе с капитаном Генерального штаба А.Н. Куропаткиным.

Выбор генерал-губернатора Туркестанского края был не случаен. А.Н. Куропаткин в достаточной степени владел информацией о положении дел в Восточном Туркестане, ясно представлял задачи предстоящей миссии. Он также обладал определенным опытом, приобретенным за время службы, кроме того, знание географических условий, обычаев и традиций населения этого региона делали его наиболее подходящей фигурой на роль представителя российской стороны на переговорах с Якуб-беком [7, стр. 134].

Касаясь причин, обусловивших необходимость отправления в Йэттишар посольства, А.Н. Куропаткин писал: «Наши сведения о Кашгарии, имевшиеся в то время, были не только неполны, но в значительной степени преувеличивали действительную силу правителя Кашгарии Якуб-бека и значение основанного им государства. В Кашгарии видели сильное мусульманское государство, к которому как к центру, могли примкнуть симпатии мусульманского населения не только слабых мусульманских государств, еще сохранивших независимость, но и населения завоеванных нами областей. Значение Кашгарии в наших глазах увеличивалось вследствие попыток англичан привлечь эту страну на свою сторону <…> Средства этого владетеля тоже сильно преувеличивались. Достоверные сведения о покупке значительной партии скорострельного оружия в Константинополе, как предполагалось – через посредство англичан, давали твердую почву этим преувеличениям. Требовалось проверить на месте, насколько действительные средства и силы Якуб-бека могли быть нам опасны»[6, стр. 2-3]. Положительный результат миссии позволял наметить контуры линии границы наиболее выгодной на тот момент для администрации Туркестанского края.

Перед отправлением экспедиции А.Н. Куропаткину была дана следующая инструкция: «… составить топографическую съемку пути от перевала Терек-Давана до первого кашгарского пикета, оттуда же до г. Кашгара снять глазомерный маршрут» вместе с тем ему поручалось собрать «возможно точные и обстоятельные сведения о положении дел в Кашгаре, отношениях Джетышаара к Китаю, а также и о военных силах и укрепленных пунктах в Семиградии» [1, Л. 68-71].

В мае 1876 г. миссия, в состав которой были включены брат А.Н Куропаткина артиллерийский капитан Н.Н. Куропаткин, штабс-капитаны Н. Старцев и А. Сунаргулов, выступила из Ташкента. Экспедиция проследовала через города Ходжент, Коканд, Маргелан, Ош и 16 июля выступило на укрепление Гульчу. Во время перехода между Ош и Гульчу отряд подвергся нападению каракиргизов. А.Н. Куропаткин был ранен в руку и вынужден был для лечения

вернуться в Ош. Выступление миссии было отложено до 7 октября. В связи с этими событиями состав экспедиции претерпел изменения. Конвой миссии был увеличен до 25 казаков и конных стрелков, к экспедиции присоединились врач Эрен и натуралист Вилькинс. С переводчиками – туземцами для сбора информации, джигитами, прислугой членов миссии и ишакчами, общее количество людей составило 60 человек [6, стр. 4-5].

После 18 переходов из г. Ош через Терекдаванский перевал, пройдя 373 версты, 25 октября 1876 г. русская миссия прибыла в Кашгар [7, стр. 125-135].

Якуб-бек в то время находился в городе Курля, по этой причине русским посланникам пришлось несколько дней ожидать его решения о дальнейшем продвижении вглубь страны. В Кашгаре в первые дни пребывания участники экспедиции были ограничены в возможности перемещения по указанию сына Бадаулета Бек-кули-бека. А.Н. Куропаткин был вынужден прибегнуть к угрозе возвращения экспедиции на территорию Российской империи без проведения каких-либо переговоров. В результате разрешение на свободное передвижение участников миссии было получено и русские посланцы, используя эти обстоятельства, смогли понаблюдать за учениями артиллерии и войск состоящих из китайцев [6, стр. 5].

10 декабря, совершив 19 переходов в 436 верст и проследовав через укрепление Маралбаши миссия прибыла в г. Аксу, из которого 18 декабря выступила в направлении городов Бай, Куча и Курля [5, стр. 5].

Во время пребывания А.Н. Куропаткина в Кашгарии в Ташкент прибыл посланец Якуб-бека Мухамед-Мурад-бек Дадха. После ознакомления с письмами Бадаулета, советник по дипломатической части при туркестанском генерал-губернаторе А.А. Вейнберг в своем донесении в Петербург, выражал серьезные сомнения относительно искренности намерений кашгарского правителя и предполагал, что «Мухамед Мурад послан с поручением разузнать, что у нас делается и насколько китайцы могут рассчитывать на нашу поддержку в предстоящей борьбе с Кашгаром» [6, стр. 87].

10 января 1877 г. миссия прибыла в Курлю – ставку Якуб-бека. На следующий день русские посланники были представлены Бадаулету. Глава русской миссии от имени Туркестанского генерал-губернатора передал правителю Йэттишара письмо, подарки и обратился со следующей речью: «По вашему желанию, высокостепенный бадаулет, мы первые из русских совершили такой длинный путь по вашим владениям. Хакимы всех пройденных нами пунктов и лица, приставленные к нам, принимали во вашему приказанию, все зависящие от них меры, чтобы сделать для нас путь неутомительным и вполне достигли этого. Со своей стороны мы старались за время пути ознакомиться со всеми проходимыми местностями, ознакомиться со всеми путями, ведущими из пройденных нами городов в русские земли, с базарами этих городов, с потребностями населения, с целью из всего нами осмотренного и изученного извлечь возможно большую пользу для расширения наших взаимных торговых сношений, а через них и для упрочения дружеских отношений <…> Мы обратили внимание на крайнюю дешевизну всех главных предметов пищи и домашнего обихода, из чего заключили, что каждый подданный высокостепенного бадаулета, если только не будет лениться, будет жить без нужды. Мы не могли также не обратить внимание на точное исполнение подданными бадаулета всех установленных им законов и правил, причем в самых отдаленных от города Курля кишлаках распоряжения бадаулета приводятся в исполнение с такой же точностью, как если бы бадаулет присутствовал там лично. В общем сделав такой длинный путь по его владениям мы еще более убедились, что высокостепенный бадаулет не только создал обширное государство, но и умеет мудро управлять им» [6, стр. 6]. По свидетельству А.Н. Куропаткина, Якуб-бек вел себя на приеме русских посланцев просто и вежливо и выражал стремление о налаживании дружественных отношений с Российской империей.

Якуб-бек назначил для ведения предварительных переговоров своего доверенного советника Заман-хана эфенди выходца из Кавказа, как оказалось хорошо разбиравшегося в международной обстановке, владевшего русским языком, получившего в свое время образование в России и симпатизировавшего России. Тем не менее, такой формат общения не устроил А.Н. Куропаткина, тем более по вопросу о проведении границы и он начал добиваться проведения переговоров непосредственно с Якуб-беком. [6,

стр. 7].

При первом же знакомстве с положением дел в Восточном Туркестане А.Н. Куропаткин пришел к выводу о том, что сведения, имевшиеся в Петербурге и Ташкенте о могуществе и военной силе правителя Кашгарии, сильно преувеличены. Оценив реальную ситуацию в Йэттишаре, руководитель русской миссии решил «принять несколько иной тон, чем тот, который себе позволяли русские послы», побывавшие в Кашгарии до него [6, стр. 13].

20 января в 8 часов вечера глава русской миссии и сопровождающий его штабс-капитан Сунаргулов были приняты правителем Йэттишара. На этой встрече А.Н. Куропаткин в категорической форме заявил о необходимости размежевания между владениями Российской империи и Йэттишаром, а также о возвращении ряда крепостей и укрепленных пунктов, принадлежавших ранее Коканду и позднее оказавшихся под властью Бадаулета. Указывая Якуб-беку на то, что границы Кокандского ханства в южной части «захватывали всю горную полосу до выхода на Кашгарскую равнину» и укрепления Кургашин-кани и Таш-курган и «считались пограничными передовыми постами кокандцев», глава русского посольства потребовал от имени туркестанского генерал-губернатора уступки в пользу России стратегически важных укреплений Иркештам, Егин, Награ-Чалды и Улугчат, возведенных на территориях ранее принадлежавших Коканду и признания границей линии Суек-Улугчат-Мальтабар. Определение этой линии на местности предполагалось возложить на смешанную русско-кашгарскую комиссию. Высказанные предложения должны были стать основой будущего договора между генерал-губернатором Туркестанского края и правителем Йэттишара [6, стр. 9]. «Согласие вашего высокостепенства принять эту линию по воле Туркестанского генерал-губернатора и послужит самым сильным доказательством с вашей стороны желания скрепить в еще сильнейшей степени дружественные отношения с могущественной Россией» [6, стр. 8].

Высказанные А.Н. Куропаткиным предложения вызвали недовольство Бадаулета и он предпринял ряд попыток привести аргументы в доказательство своих прав на бывшие кокандские укрепления Улугчат, Мальтабар и другие [3, стр. 169]. «Я прошу вас быть ходатаем за меня, быть моим братом перед Туркестанским генерал-губернатором. Если он хочет показать мне свою дружбу, пусть оставит за мной укрепления, которые я построил и охранял в продолжение четырнадцати лет» [6, стр. 9].

Однако в итоге, кашгарский правитель все же был вынужден уступить. После длительных дискуссий 30 января 1877 г., Якуб-бек дал свое согласие на проведение границы по линии, предложенной русским посланцем. «Предложение русского посла провести границу через Суек, Улуг-чат и Мальтабар мной принято, потому что я не считаю возможным идти против воли г. Туркестанского генерал-губернатора. Но я пошлю вместе с вами своих послов, чтобы просить могущественного Ярым-падишаха (К.П. Кауфмана –С.М.): 1) сделать мне снисхождение и оставить в моих руках места, о которых я заботился четырнадцать лет. Если и на эту мою просьбу не будет согласия, то я совершенно предоставляю на усмотрение г. Туркестанского генерал-губернатора назначить пограничную черту там, где он признает нужным, и приму всякое его решение» [6, стр. 12]. Таким образом, дипломатическая составляющая цели российской миссии в Йэттишаре была выполнена и 7 февраля экспедиция выступила в направлении российской границы.

Подобная сговорчивость и уступчивость кашгарского правителя была обусловлена серьезным осложнением обстановки как внутри страны, так и на ее границах, прежде всего приближением цинских войск. Концентрация военных отрядов на северо-востоке Йэттишара послужила причиной массового голода, количество войск в этой местности доходило до 26 000 человек, большая часть из которых была вооружена кремниевыми и фитильными ружьями. Кроме того, резко увеличилось количество дезертиров, среди которых оказался главный казначей, бежавший к китайцам с частью казны. В результате Бадаулет был вынужден рассредоточить войска на значительной территории [6, стр. 9]. В то же время Якуб-бек сумел добиться в качестве уступки от российской стороны согласия на отправление своего посланника в Ташкент для того, чтобы туркестанский генерал-губернатор сам вынес бы окончательное решение по пограничному вопросу, а в случае неблагоприятного исхода этой миссии он давал согласие на проведение граничной черты там, где указал бы

генерал-губернатор. Пойдя на удовлетворение требований российской стороны, он дал понять А.Н Куропаткину, что не только желает «сохранения дружбы» с Россией, но и надеется с ее помощью «удержаться на той высоте, которой достиг» [6, стр. 11].

Последовавшее вслед за этим отношение, выказанное российским представителям в Восточном Туркестане, превзошло все их ожидания. Посланникам была предоставлена почти полная свобода передвижения по территории страны, разрешено общение с ее населением, знакомство с условиями экономической и политической жизни. Приближенные Якуб-бека в ходе разговоров с русскими неоднократно повторяли, что их правитель «отшатнулся от англичан» и «не поддался их влиянию, когда они думали посеять вражду между ним и русскими, и что теперь Якуб-бек сознает выгоду держаться только за русских» [6, стр. 37].

Помимо решения главного вопроса по разграничению территории, посольство выполнило еще ряд задач несколько иного плана. Так, на основании наблюдений, собранного в ходе экспедиции материала был составлен историко-географический очерк Кашгарии с подробным описанием природных условий, почв, естественных богатств. Было составлено описание горных систем окружающих страну, главных рек, населения страны. Членами экспедиции были собраны материалы, позволившие дать подробную характеристику административного деления Йэттишара и системы государственного управления. А.Н. Куропаткин описал быт правителя Кашгарии, обратив внимание на скромность обстановки его резиденции, что, по его мнению, составляло разительный контраст с роскошью, которая царила во дворцах других азиатских владык. Жилище Якуб-бека не отличалось богатым убранством, пища и одежда правителя Йэттишара были такими же, как и у его приближенных. «Единственно допускавшейся роскошью было содержание обширного гарема, в котором насчитывалось до 300 женщин» [6, стр. 44]. Русский посланник отмечал, в период пребывания миссии в Кашгарии, отсутствие стабильности. Бадаулет не смог удовлетворить главного требования населения страны о спокойном и мирном существовании. Пришедший к власти с помощью войск, хитрости и вероломства, он не был уверен в прочности своего положения и поставил во всех городах сильные гарнизоны. Лучшим средством для обеспечения безопасности границ он считал расширение своих владений. А.Н. Куропаткин отмечал в связи с этим: «Занятый войнами, поддержанием спокойствия внутри государства, обеспечением границ извне и организацией своего войска, Якуб-бек не мог уделить много времени на введение порядка в стране и потому принял систему управления Кашгарией наиболее спокойную для него и в то же время наиболее тяжелую для народа» [5, с.45-46]. Осознавая шаткость своего положения, правитель Йэттишара создал «партию поддержки», костяк которой составили выходцы из Коканда, Ташкента и части жителей Кашгарии. Им были предоставлены высшие должности в административном аппарате и значительные по размерам земельные участки. Другой группой, на которую опирался Якуб-бек, была армия, командование которой, представляло собой своеобразную военно-аристократическую касту. При назначении на командные должности Якуб-бек оказывал предпочтение выходцам из Средней Азии, афганцам и индийцам. Это вносило элементы недовольства в войска, состоящие в основном из коренных жителей Восточного Туркестана – уйгуров. Впоследствии при первых неудачах в крупных сражениях с цинскими военными отрядами, результатом подобной дискриминации стало массовое дезертирство.

А.Н. Куропаткин довольно подробно описал кашгарскую армию, ее состав, вооружение, применяемую в боях тактику, систему построения и передвижения, организацию ведения огня, материальное обеспечение. Он обратил внимание на то, что солдаты в армии Бадаулета были обучены лучше, чем китайские, но их боевой дух оставлял желать лучшего.

Безусловный интерес представляли собранные экспедицией данные о состоянии торговли в Кашгарии. А.Н. Куропаткин провел сравнительный анализ экспорта и импорта товаров в Восточном Туркестане. В результате он пришел к выводу, что товары поставлявшиеся из России, пользуются более высоким спросом, чем английские. На основании изучения движения товарной массы русский посланник предложил ряд мер для обеспечения интересов российских купцов в Кашгарии. Он предлагал установить таможенную линию на предполагаемой границе и пресекать

контрабанду, обложить значительной пошлиной ряд английских товаров, а также торговцев хлопчато-бумажными изделиями кашгарского производства, одновременно поощрять производство маты [6, с. 65] в Ферганской области для вывоза ее в Семиреченскую область взамен Кашгарии, проложить хороший колесный путь между Ферганской и Семиреченской областями и устроить одну или несколько фабрик вблизи Ташкента и Коканда для производства ситца на месте. Рынками сбыта, по его мнению, должны были служить Средняя Азия, Кашгария, Афганистан и, возможно, Сибирь.

28 марта русская мисси благополучно вернулась в г. Ош, после преодоления 1300 верст за 42 перехода (51 день). В ходе движения экспедиции штабс-капитаном Сунаргуловым было составлено подробное маршрутное описание пути от г. Аксу, через г. Уч-турфан к г. Кара-колу и заметка Вилькинса «Карашар и озеро Баграч-куль» [6, стр. 14].

В начале марта 1877 г. правитель Йэттишара направил генерал-губернатору Туркестанского края письмо, в котором сообщал об отправлении своего посланника Муллы Тураб-ходжи в Ташкент. Касаясь болезненной для него проблемы проведения границ Йэттишара с Россией в Ферганской области, Якуб-бек, тем не менее, выразил удовольствие по поводу прошедших переговоров: «Таким указанием любезного друга нашего мы остались довольны и дружба наша увеличилась» [12, Л. 129]. Кашгарский правитель не терял надежды получить от русской пограничной администрации частичных уступок в территориальном вопросе, указывая в заключение своего письма: «Мы просим Ваше превосходительство оказать нам добро и человеколюбие» [1, Л. 216]. Более того: «Бадаулет настоятельно просил наших офицеров на обратном пути непременно проехать через Кашгар, чтобы убедить этим народ кашгарский в существовании добрых отношений к России» [12, Л. 18]. Неоднократно выполнявший дипломатические поручения Якуб-бека, но в этот период находившийся в опале за то, что позволил себе разным лицам в Кашгарии хвалить российские порядки Мулла Тураб-ходжа, был признан наиболее подходящей фигурой для выполнения этой миссии. Он получил от правителя Йэттишара полномочия на ведение переговоров, несколько раз встречался в Ташкенте с К.П. Кауфманом и другими представителями местных властей. Итоги переговоров вполне устраивали российскую сторону, о чем свидетельствует письмо туркестанского генерал-губернатора Бадаулету от 31 мая 1877 г., которое содержало в себе изложение предварительно достигнутого русско-кашгарского соглашения о разграничении Ферганской области с владениями Якуб-бека.

Исходя из анализа этого документа, представляется возможным сделать следующий вывод: туркестанский генерал-губернатор, убеждал кашгарского посланца признать законность восстановления «прежней кокандской границы» и включения в состав Российской империи «всей горной полосы, составляющей прежде часть кокандской территории». В связи с этим К.П. Кауфман писал правителю Йэттишара: «Было бы желательно так провести границу, чтобы местные кочевые жители имели свои зимовки и летовки в одном и том же государстве; это то и составляло предмет моего изучения, для возможно правильного и справедливого разрешения вопроса о границе… поэтому посланнику моему капитану Куропаткину и было предписано заявить о проведении границы за Улугчатом, со включением этого пункта в наши пределы» [16, Л. 18]. В то же время К.П. Кауфман в ходе переговоров с Тураб-ходжой решился сделать уступки Якуб-беку и выразил свое согласие на оставление укрепления Улугчат за Йэттишаром [16, Л. 19].

Результатом русско-кашгарских переговоров, как это видно из того же документа, был проект будущей границы, «выгодной <…> для обеих сторон». Пограничную линию предполагалось провести от перевала Суек до перевала Дунгарма, далее по левому берегу р. Дунгарма до впадения ее в р. Коксу, а оттуда по левому берегу этой реки до ее пересечения с караванной дорогой, ведущей в Кашгар, и далее по северной стороне этой дороги через перевалы Ике-Икезяк-первый и Ике-Икезяк-второй до поста Иркештам, который без каких-либо условий отходил к России. После чего, российско-кашгарская граница должна была идти вверх по правому берегу р. Иркештам до хребта Мустаг, а оттуда до гор Мальтабар. Укрепление Улугчат оставалось во владениях Бадаулета. По оценке туркестанского генерал-губернатора такая пограничная линия в

определенном смысле соответствовала историко-этнографическому принципу. «Надеюсь, – писал в заключение своего письма к правителю Йэттишара К.П. Кауфман, – что ваше высокостепенство изволите вполне одобрить изложенное мною направление границы между Ферганской областью и кашгарскими владениями, а потому прошу Вас командировать доверенное лицо к военному губернатору Ферганской области генералу А.К. Абрамову (1836-1886), который бы вместе с назначенным с нашей стороны чиновником, приступил к расстановке пограничных знаков, по которым население могло бы твердо знать направление границы, признанное обоими дружественными государствами» [15, Л. 328-329]. Но это письмо так и не успело дойти до Якуб-бека. Правитель Йэттишара скоропостижно умер при не выясненных до конца обстоятельствах. Старший сын Бадаулета Бек Кули-бек, считавший себя после смерти отца главным претендентом на роль кашгарского правителя, путем обмена письмами с генерал-губернатором Туркестанского края и военным губернатором Семиреченской области решил восстановить отношения с Россией, рассчитывая заручиться ее поддержкой. Так, в своем послании к генералу Г.А. Колпаковскому (1819-1896 гг. губернатор Семиреченской области, Степной генерал-губернатор, член Военного Совета при императоре Николае II) с извещением о смерти Якуб-бека он писал: «Вы издавна и до сего времени находились к нам в дружеских и хороших отношениях <…> Надеюсь, что и на будущее время останемся в этих <…> отношениях <…> и если бог дозволит, то я постараюсь укрепить нашу дружбу еще сильнее, чем была при моем отце» [10, стр. 101]. Для правительства Российской империи, в свете надвигающихся событий в Синьцзяне имело важное значение закрепление соглашения, достигнутого между К.П. Кауфманом и Тураб-ходжой по вопросу проведения граничной линии, поэтому с российской стороны последовал положительный ответ на инициативу Бек кули-бека. «По всем международным постановлениям и обычаям государства», – писал в ответ новому правителю Йэттишара генерал-губернатор Туркестанского края 6 ноября 1877 г., – «наследник престола, принявший бразды правления по смерти прежнего владетеля, берет вместе с тем на себя обязательство выполнять все договоры и соглашения своего предшественника с соседними государствами, если только намерен жить с ними в мире и согласии» [10, стр. 101]. После чего, разъяснялось, что «в видах пользы населения двух государств» следовало бы «приступить к точному определению границы между Кашгарией и Ферганской областью». Обращаясь к Бек Кулибеку, К.П. Кауфман настаивал на реализации своих предложений, содержавшихся в его письме к Якуб-беку, отправленному к кашгарскому правителю с Тураб-ходжой. «Прошу Вас», – писал он тогда же, – «получить сказанные письма от Тураб-ходжи и выполнить их содержание, т.е. прислать доверенное лицо к военному губернатору Ферганской области для постановки пограничных знаков, совместно с имеющим быть назначенным с нашей стороны чиновником …» [14, стр. 88].

Несмотря на незаконченный диалог, миссия А.Н. Куропаткина в Восточный Туркестан и последовавшие за ней русско-кашгарские переговоры по проблеме размежевания в целом явились успехом российской дипломатии. Решение пограничного вопроса позволило снять целый ряд острых проблем связанных с охраной границы, с организацией системы административных органов в приграничных районах. Сведения о внутренней ситуации в Йэттишаре, полученные в ходе экспедиции, послужили основой для корректировки действий при проведении внешней политики России в этом регионе.

Синьцзян-уйгурский автономный район Китая
URL:http://liv.piramidin.com/politica/starikov_n/starikov_n_geopolitika_kak/starikov_n_geopolitika_kak.htm

Карта Туркестана
http://www.foto.kg/giperssylka.html

Кашгария или Восточный Туркестан с граничной линией
URL: http://www.runivers.ru/mp/maps-detail.php

КАШГАРІЯ

ИЛИ

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ.

Опытъ военно-статистическаго описанія.

Подъ редакціей Начальника Штаба Туркестанскаго военнаго округа Генералъ-Лейтенанта Сахарова

составилъ

Генеральнаго Штаба Подполковникъ Корниловъ.

ТАШКЕНТЪ.
Типографія Штаба Туркестанскаго военнаго округа.
1903.

Труд (обложка) А.Н. Куропаткина «Кашгария или Восточный Туркестан».
А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб.: Издание Русского Географического общества, 1879.

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

А.

МАРШРУТЪ

СЛѢДОВАНІЯ РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА ВЪ КАШГАРІЮ,

отъ города Оша до города Курля въ 1876 и 1877 годахъ.

Годъ, мѣсяцъ и число.	НАЗВАНІЯ ПУНКТОВЪ, ИЗБРАННЫХЪ ДЛЯ НОЧЛЕГОВЪ.	Разстояніе между пунктами ночлеговъ, въ верстахъ.
	Городъ Ошъ.	
1876 года.		
7-го октября.	Селеніе Мады	11
8-го »	Урочище Таллыкъ	29
9-го »	Укрѣпленіе Гульча	27¼
10-го »	Урочище Янги-арыкъ	22¼
11-го »	„ Суфи-курганъ	17
13-го »	„ Сары-кучукъ	15
14-го »	„ Ташъ-уй	18
15-го »	„ Ике-икезякъ	16
16-го »	Постъ Иркештамъ	17
17-го »	„ Егинъ	20
18-го »	Укрѣпленіе Улугчатъ	18
20-го »	Постъ Уксалыръ	40
21-го »	Рабатъ Кургашинъ-кани	27
22-го »	Постъ Канъ-джуганъ	22

Кашгарія. А. Куропаткина. 21

Годъ, мѣсяцъ и число.	НАЗВАНІЯ ПУНКТОВЪ, ИЗБРАННЫХЪ ДЛЯ НОЧЛЕГОВЪ.	Разстояніе между пунктами ночлеговъ въ верстахъ.
23-го октября.	Постъ Минъ-юлъ	30
24-го »	Селеніе Акъ-лянгаръ	26½
25-го »	Крѣпость Янгишаръ (Кашгаръ)	17½
	Итого . . .	373½
21-го ноября.	Селеніе Яндама	16
22-го »	„ Шаптали	32½
23-го »	„ Файзабатъ	13
24-го »	„ Янги-абатъ	19
25-го »	Рабатъ Купрюкъ	28
26-го »	Урочище Урдакли	40
27-го »	Рабатъ Кара-кылчинъ	25
28-го »	„ Тшурга.	18
29-го »	Укрѣпленіе Мараль-баши	27
	Итого . . .	218½
1-го декабря.	Селеніе Чарбагъ	24
2-го »	„ Тумшукъ	28
3-го »	„ Чадыръ-куль	20
4-го »	„ Яка-кудукъ	17
5-го »	Станція Джайды	20
6-го »	Селеніе Чилянъ	17
7-го »	Рабатъ Шуръ-кудукъ	25
8-го »	Селеніе Сай-арыкъ	22
9-го »	Рабатъ Чукъ-талъ	25
10-го »	Городъ Аксу	20
	Итого . . .	218
18-го »	Селеніе Ишлянчи	18
19-го »	„ Джамъ	13

Годъ, мѣсяцъ и число.	НАЗВАНІЯ ПУНКТОВЪ, ИЗБРАННЫХЪ ДЛЯ НОЧЛЕГОВЪ.	Разстояніе между пунктами ночлеговъ въ верстахъ.
20-го декабря.	Селеніе Кара-юлгунъ	20
21-го „	Рабатъ Джурга	36
22-го „	Селеніе Кушъ-тамъ	24
23-го „	Городъ Бай.	30
	Итого . . .	141
26-го „	Селеніе Сайрамъ	28
27-го „	„ Кызылъ.	14
28-го „	Рабатъ Даванъ	25
29-го „	Городъ Куча	28
	Итого . . .	95
1877 года. 1-го января.	Селеніе Яка-арыкъ	29
2-го „	„ Янги-абатъ	41
3-го „	„ Бугуръ	32
4-го „	„ Янгисаръ	30
6-го „	„ Чадыръ.	22
7-го „	„ Ишма	15
8-го „	„ Чарчи	29
9-го „	„ Дурбинъ	40
10-го „	Городъ Курля.	16
	Итого . . .	254
	ВСЕГО . . .	1,300

Число переходовъ — 55-ть.

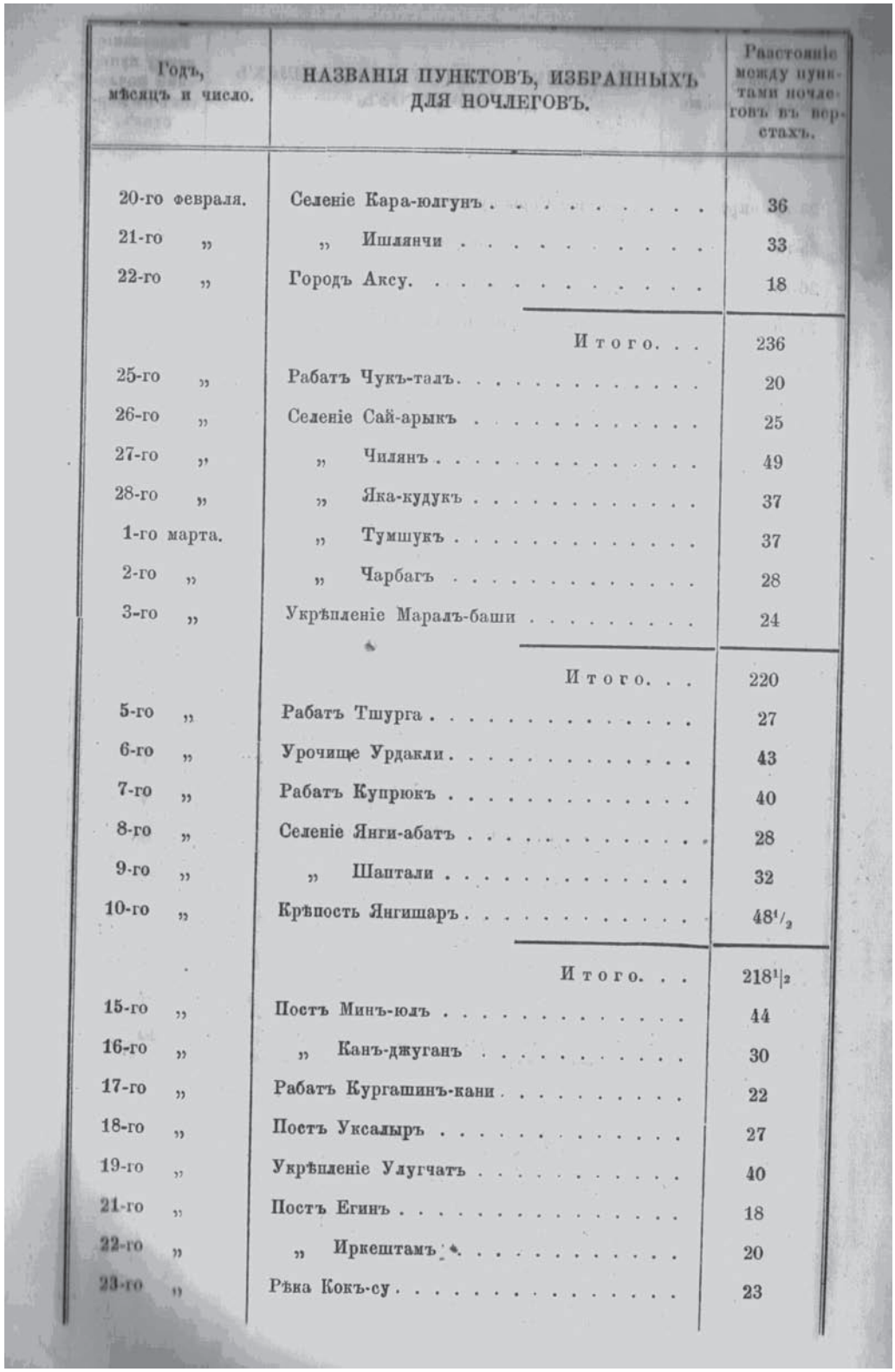
Б.

МАРШРУТЪ

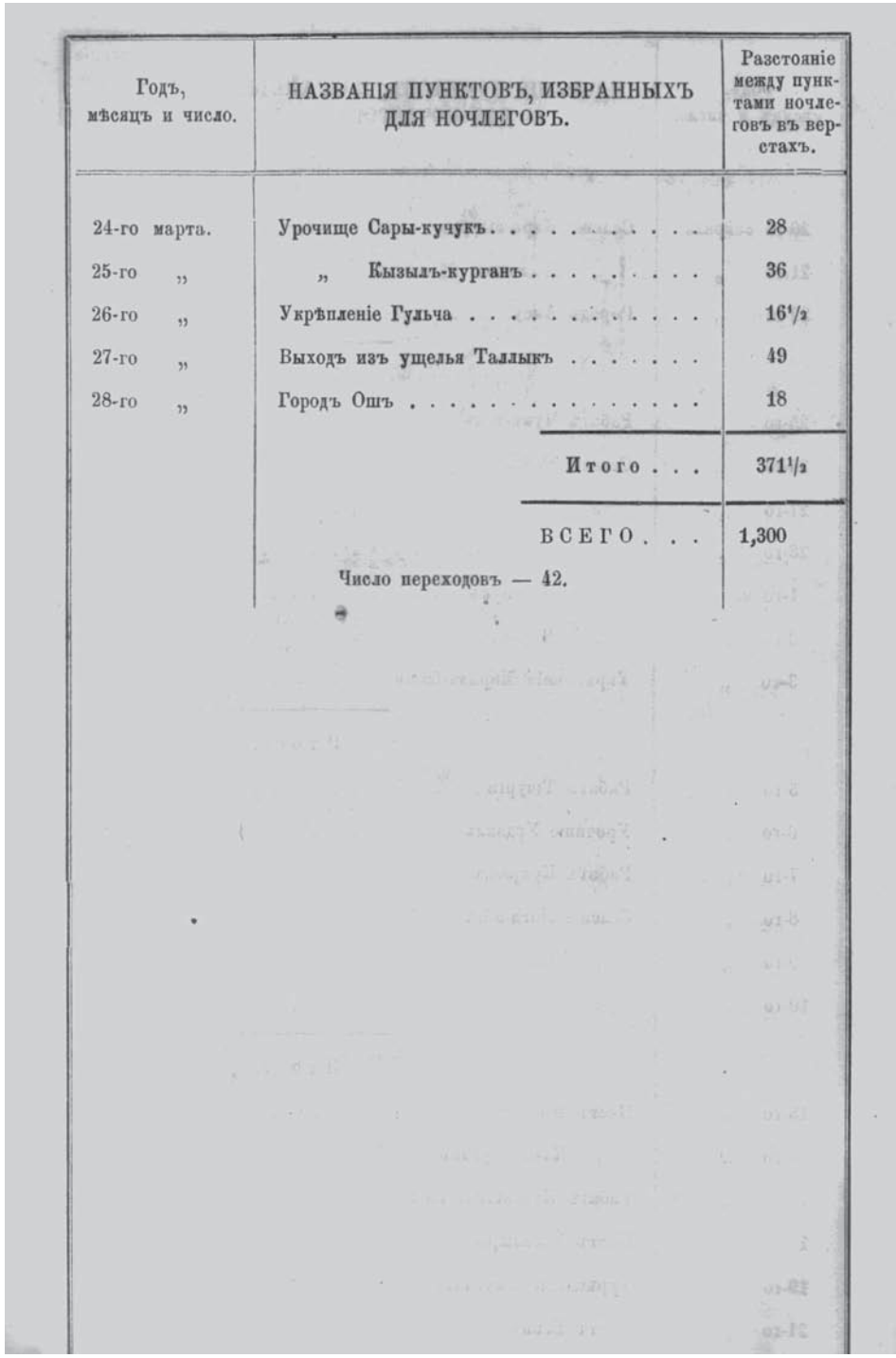
ОБРАТНАГО СЛѢДОВАНІЯ РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА ИЗЪ КАШГАРІИ,

отъ города Курля до города Оша.

Годъ, мѣсяцъ и число.	НАЗВАНІЯ ПУНКТОВЪ, ИЗБРАННЫХЪ ДЛЯ НОЧЛЕГОВЪ.	Разстояніе между пунктами ночлеговъ, въ верстахъ.
	Городъ Курля.	
6-го февраля.	Селеніе Дурбинъ	16
7-го „	„ Чарчи	40
8-го „	„ Ишма	29
9-го „	„ Янгиссаръ	37
10-го „	„ Бугуръ	30
11-го „	„ Янги-абатъ	32
12-го „	„ Яка-арыкъ	41
13-го „	Городъ Куча	29
	Итого . .	254
15-го „	Рабатъ Даванъ	28
16-го „	Селеніе Сайрамъ	39
17-го „	Городъ Бай	28
18-го „	Селеніе Кушъ-тамъ	30
19-го „	Рабатъ Джурга	24

Годъ, мѣсяцъ и число.	НАЗВАНІЯ ПУНКТОВЪ, ИЗБРАННЫХЪ ДЛЯ НОЧЛЕГОВЪ.	Разстояніе между пунктами ночлеговъ въ верстахъ.
20-го февраля.	Селеніе Кара-юлгунъ	36
21-го „	„ Ишлянчи	33
22-го „	Городъ Аксу.	18
	Итого. . .	236
25-го „	Рабатъ Чукъ-талъ.	20
26-го „	Селеніе Сай-арыкъ	25
27-го „	„ Чилянъ	49
28-го „	„ Яка-кудукъ	37
1-го марта.	„ Тумшукъ	37
2-го „	„ Чарбагъ	28
3-го „	Укрѣпленіе Маралъ-баши	24
	Итого. . .	220
5-го „	Рабатъ Тшурга	27
6-го „	Урочище Урдакли	43
7-го „	Рабатъ Купрюкъ	40
8-го „	Селеніе Янги-абатъ	28
9-го „	„ Шаптали	32
10-го „	Крѣпость Янгишаръ	48½
	Итого. . .	218½
15-го „	Постъ Минъ-юлъ	44
16-го „	„ Канъ-джуганъ	30
17-го „	Рабатъ Кургашинъ-кани	22
18-го „	Постъ Уксалыръ	27
19-го „	Укрѣпленіе Улугчатъ	40
21-го „	Постъ Егинъ	18
22-го „	„ Иркештамъ	20
23-го „	Рѣка Кокъ-су	23

Годъ, мѣсяцъ и число.	НАЗВАНІЯ ПУНКТОВЪ, ИЗБРАННЫХЪ ДЛЯ НОЧЛЕГОВЪ.	Разстояніе между пунктами ночлеговъ въ верстахъ.
24-го марта.	Урочище Сары-кучукъ	28
25-го „	„ Кызылъ-курганъ	36
26-го „	Укрѣпленіе Гульча	16½
27-го „	Выходъ изъ ущелья Таллыкъ	49
28-го „	Городъ Ошъ	18
	Итого . . .	371½
	ВСЕГО . . .	1,300
	Число переходовъ — 42.	

Маршруты следования экспедиции А.Н. Куропаткина
Куропаткин, А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб.: Издание Русского Географического общества, 1879. С. 321-326.

Примечания

*[1] В середине XVIII в. Цинская империя в результате долгих кровопролитных войн разгромила Джунгарию и завоевала Восточный Туркестан. Новая присоединенная территория населенная преимущественно мусульманскими народами получила название Синьцзян (Новая территория). Восстание мусульманских народов Синьцзяна в 1864–1878 гг., известное под названием дунгано-уйгурского восстания, явилось выражением острого кризиса политики Цинской империи в Центральной Азии. Поводом к восстанию, принявшему в Синьцзяне особенно ожесточенный и упорный характер и вылившемуся в форму «священной войны» мусульман против «неверных», явилось движение дунган в провинциях Ганьсу, Шанси и Шэньси. Первым открытым выступлением против цинских властей в Кашгарии, которое окончилось победой дунган и уйгуров, стало восстание в г. Куча 7 июня 1864 г. маньчжуро-китайские войска были изгнаны из города. В результате этого процесса появились ханства с выраженным теократическим характером правления, обладавшие определенной независимостью: Кучинское, Кашгарское и Хотанское в Кашгарии, в Джунгарии Урумчинское, Кульджинское. В реальности это был конгломерат мусульманских владений, правители, которых развернули жестокую междоусобную борьбу за власть.

*[2] Валиханов Чокан Чингисович 1835–1865 гг. ученый, историк, этнограф и фольклорист, путешественник, просветитель, а также российский офицер и разведчик, действительный член Императорского русского географического общества, составивший капитальный труд «О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малая Бухария: Яркенд, Аксу, Кашгар, Янги-гиссар, Куча, Хотан) в 1858-1859 гг.

*[3] В декабре 1864 г., из Ташкента в Кашгар отправляется кокандский ставленник Бузрук-ходжа, в числе сопровождавших его находился Якуб-бек. Новый хан оказался мало способен государственной деятельности. Воспользовавшись таким положением, Якуб-бек сформировал из кокандских беков своеобразную «военную касту» (андижанцы) для борьбы за власть, а затем был назначен батыр-баши (главнокомандующим). В течение года Якуб-беку удалось создать боеспособную армию из нескольких тысяч человек и приступить к военным действиям. Результатом удачных военных операций, проведенных кашгарским военачальником, стал стремительный рост авторитета Якуб-бека. Итогом активных действий кашгарских войск стало формирование территории, на которой в перспективе было возможно создание государства. Якуб-бек, под благовидным предлогом отправления для поклонения в Мекку, лишает власти Бузрук-ходжу и объявляет себя правителем нового мусульманского государства – Йэттишар «Семиградье», объединение городов центров семи округов: Кашгар, Хотан, Куча, Аксу, Курля, Янги-гиссар, Яркенд.

*[4] Рейнталь П.Я.. Полковник, старший чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области в 1870-1871 гг., начальник Копальского уезда Семиреченской области в 1874-1876 гг. в 1875 г. назначен консулом в Кашгар.

*[5] Каульбарс А.В. 1844-1929 гг., русский военный деятель и учёный-географ, генерал от кавалерии, член Военного совета, один из организаторов русской военной авиации, министр обороны и председатель совета министров княжества Болгарского в 1882-1883 гг. участник похода в Кульджу, Хивинского похода, русско-турецкой войнны, военных действий в Китае 1900-1901 гг., Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войны на стороне Белого движения, основатель города Каракол, действительный член Русского географического общества.

*[6] Якуб-бек (1820–1877) – сын государственного чиновника Пир Мохаммеда Мирзы, в 1845 г. занимал должность махрама (помощника) хана Коканда Худояра, затем пансат-баши (высокий воинский чин), затем должность младшего визиря. В 1853 г. – комендант крепости Ак-Мечеть, на этой должности находился до взятия крепости русскими войсками. В период «кокандских смут» лавировал между Худояр-ханом, правиетелем Коканда и его соперником Алимкулом. В 1864–1865 гг. прибыл в числе сопровождающих Бузрук-ходжу в Кашгар. Став главнокомандующим, Якуб-бек создал боеспособное войско, с помощью которого захватил ряд городов и подчинил их своей власти. В 1867 г. отправил в Мекку Бузрука-хана и объявил себя правителем нового мусульманского государства Йэттишар, присвоив себе титулы Аталык-гази (покровитель мусульман), Бадаулет (Счастливец).

*[7] «Большая игра» (Р. Киплинг) «Война теней», «Война разведок» – скрытая, но активная борьба между Китаем, Российской и Британской империями за установление влияния в Центральной и Южной Азии, началась после окончания Крымской войны и носила геополитический характер.

*[8] Коканд (Кокандское ханство) ханство в Центральной Азии в 1710-1876 гг. с центром в г.Коканд. Претендовало на казахские земли. В 1876 г. ликвидировано, территория включена в состав Российской империи как Ферганская область.

*[9] «Джетису» – семь вод каз. С 1876 г. Семиреченская область – географический район, включавший юго-восточную часть Казахстана и северной Киргизии.

*[10] К.П. Кауфман (1818-1882 гг.) российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, инженер-генерал, почетный член Петербургской Академии наук, с1867 г. командующий войсками Туркестанского военного округа и туркестанский генерал-губернатор.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – СПб., Главный архив 1-9. Оп. 8. 1875-1878 гг. Д.13. Оп. 8.1878 г. Д. 21.
2. Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858-1859 гг. // Ч.Ч. Валиханов Собр. соч. в пяти томах. Т. 3. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 414 с.
3. Границы Китая: история формирования / Под ред. В.С. Мясникова, Е.Д. Степанова. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 469 с.
4. Исиев Д.А. Уйгурское государство Йэттишар. – М.: Наука. 1981.- 89 с.
5. Кожирова С. Б., Моисеев В.А. Торговля России с мусульманскими государствами Синьцзяна 1860-1874 гг. // Вестник Алтайского государственного университета. – 1997. – № 2. – С.45-48.
6. Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. – СПб.: Издание Русского Географического общества, 1879. – 435 с.
7. Моисеев С.В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэттишар (1864-1877 гг.): Монография. – Барнаул: Азбука, 2006. – 198 с.
8. Моисеев С.В. Русско-кашгарские отношения в 60-70х гг. XIX в. Документы и извлечения: Монография. – Барнаул: Азбука, 2008. – 234 с.
9. Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке: Монография в документах. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 416 с.
10. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. – Ташкент, 1917. – 169 с.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. ВУА (с). – Оп. 2. – Д. 6811. – Л. 32.
12. Сладковский М.И. Китай и Англия. – М.: Наука, 1980. – 351 с.
13. Формирование границы между Россией Цинским Китаем. Кн. 5. – М., 1970. – 673-887 с.
14. Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. – М.: Наука, 1979. – 128 с.
15. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). – Ф. 21. 1871-1882. – Д. 334. – Л. 328-329.
16. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУ). – Ф. 11/с. – Оп.3. – Д. 275. – Л. 8; – Д. 319. – Л. 3, Л. 129.